

ШАМИЛЬ В КАЛУГЕ

Дисклеймер

ШАМИЛЬ В КАЛУТЕ

Брошюра издана по тексту книги И. Н. Захарьина (Якунина)

«КАВКАЗ И ЕГО ГЕРОИ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ИЗДАНИЕ Б. Н. ЗВОНАРЕВА, 1902

Данное издание было обработано с использованием инструментов искусственного интеллекта для улучшения качества изображений и повышения читаемости страниц. Несмотря на проведённую работу, в тексте, оформлении или отдельных фрагментах могут присутствовать неточности либо непреднамеренные ошибки. Просим читателей отнестись к этому с пониманием и, при необходимости, сверять спорные места с оригинальным изданием.

Историко-обществоведческий клуб «Исток»

ШАМИЛЬ В КАЛУГЕ

*Брошюра издана по тексту
книги И. Н. Захарьина
(Якунина)*

«КАВКАЗЪ И ЕГО ГЕРОИ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ Б. Н. ЗВОНАРЕВА 1902

ГРОЗНЫЙ 1991 г.

Редакторы: **Т. ГАНТИМУРОВА, В. БЕРДНИКОВ.**

Художественный редактор **А.-В. АРСАХАНОВ.**

Технический редактор: **А. АНДРОНИНА.**

Сдано в набор 8.1.91 г.

Подписано в печать 14.11.91 г.

Бумага газетная. Объем 3 п. л.

Заказ № 41

Тираж 30000

Цена 2 рубля.

Историко-общекраеведческий клуб «ИСТОК» редакция газеты
«Голос Чечено-Ингушетии»

Типография издательства «Грозненский рабочий».

364907, г. Грозный, ул. Маяковского, 92.

I.

Представление полковнику Еропкину, — Знакомство со шт. капитаном Руновским. — Товарищи офицеры Шаров и Орлов. — Представление Шамилю и его внешность. — Переводчик Грамов. — Неприятный инцидент во время аудиенции.

По приезде в Калугу, я облекся в полную парадную форму и отправился представиться, прежде всего, к полковнику Еропкину, «командиру батальона внутренней стражи», избравшему собою в Калуге и коменданта, и воинского начальника, которые в то время еще не были учреждены. Я имел к Еропкину рекомендательное письмо из Тамбова от его приятеля, дежурного штаба-офицера нашего шестого корпуса, подполковника Корницкого, — и, может быть, благодаря этому обстоятельству, встретил не только любезный, но и радушный прием: полковник познакомил меня со своей семьей и просил «бывать» у него в доме.

Когда я уже уходил от Еропкина, он сказал мне:

— Вы, конечно, знаете, что здесь Шамиль, и, по распоряжению военного министра, все приезжающие в Калугу офицеры, от прапорщика и до генерала включительно, обязаны являться и представляться ему. Поэтому, сейчас же, прямо от меня, поезжайте и разыщите штабс-капитана А. И. Руновского, состоящего приставом при Шамиле, и он уже назначит вам день и час, когда вы должны будете явиться к этому знаменитому нашему пленнику.

Я так и поступил: разыскал Руновского, отрекомендовался ему и, по его желанию, оставил ему свой адрес.

— Я вам дам знать, особою повесткою накануне, когда именно вы должны будете прибыть в дом, занимаемый Шамилем, — сказал мне на прощание Руновский

Затем я отправился к другому военному начальству, заведывавшему артиллерийским парком и пороховыми складами, находящимися в нескольких верстах от Калуги, с которыми мне предстояло иметь дело.

В гостинице, в которой я остановился, проживало несколько офицеров от различных частей, командированных в Калугу, как и я же, за приемкою огнестрельных снарядов для

своих полков и батальонов. Между ними было несколько человек, приехавших раньше и уже представлявшихся Шамилю. Мы, новички, рассматривали их обо всех подробностях, сопровождавших это удивительное представление пленному, заклятому врагу России, который вел с нами войну более 20 лет и которому правительство, к великой чести своей, не помянуло зла и отнеслось, вообще, как к «царю плененному».

В той же гостинице проживали два офицера, приехавшие в Калугу одновременно со мною, — и нам предстоял, следовательно, одновременный прием у Шамиля. Офицеры эти были: подпоручик Владимирского пехотного полка (16-й дивизии) Шаров, прибывший из Пензы, где был штаб этого полка, и прапорщик Орлов — Тарутинского полка, служивший раньше на Кавказе и имевший солдатский георгиевский крест, полученный им в звании юнкера за взятие какого-то аула. Я называю этих офицеров потому, что с ними вместе мне довелось представляться Шамилю, и упомянутый георгиевский крест поручика Орлова послужил поводом к довольно неприятному случаю.

На второй же день моего свидания со шт.-капитаном Руновским, вечером, вестовой принес мне повестку, приглашающую прибыть на другой день в 11 часов утра, в дом Сухотина, на Одигитриевской улице, для представления Шамилю. Такие повестки получили и два вышеуказанных офицера.

На другой день, одевшись в парадную форму, мы, в назначенный час, были уже на своем месте. Нас встретил А. И. Руновский и переводчик Грамов, одетые тоже в эполеты и в черкессках, при оружии. Когда нас ввели в приемную, из второй этаже дома, то там оказалось еще несколько офицеров, приехавших в Калугу. Мы чинно разместились на стульях вокруг низенького дивана в приемной, отделанной в европейском вкусе, и стали с нетерпением поглядывать на дверь, в которую должен был войти бывший грозный властитель Кавказа. Разговор между нами велся вполголоса. Руновский и еще какой-то чрезвычайно бледный, высокий и смутный офицер, лет 25-ти, без руки тихо репетировал, так сказать, с нами роли представления, предупреждая, что Шамиль каждого из нас о чем-нибудь спросит, и мы должны

отвечать коротко и ясно, не вдаваясь ни в какое много словие.

Наконец, мы услышали сильный скрип ступенек той небольшой деревянной лестницы, которая была вблизи входа в приемную... Мимо этой лестницы мы только что проходили, и нам было объяснено, что она ведет в верхний этаж дома, где помещается семья Шамиля, т. е. его две жены и дети, и что они сами находятся в данное время среди своей семьи. Мы поняли, что это спускается Шамиль, и встали со своих мест. Еще несколько секунд — и в дверях показалась высокая, атлетическая фигура знаменитого имама Кавказа. На вид это был еще мощный и крепкий старик (Шамилю в то время было 65 лет), но лицо его было болезненное и измученное за этот раз, и он так тяжело и порывисто дышал, словно только что поднялся по лестнице вверх, а не спустился с нее. Борода у него была большая, окладистая, лопатою, и вероятно седая, но выкрашена персидской хной в темно-красный цвет; зеленые глаза под густыми насупленными бровями смотрели неприветливо и еще не утратили своего прежнего блеска; голова Шамиля была в простой горской папaxe, вокруг которой была обмотана чалма из белой и зеленой кисеи, одет он был в чагольном коротеньком тулупе из белых овчинок, и тулуп этот был расстегнут, и под ним виднелся простой, темного ситца, бешмет; на ногах были мягкие сафьяновые сапоги с мягкими же подошвами. Так просто было одеяние великого Шамиля, врага всякой роскоши и излишеств!

Шамиль остановился посреди комнаты и сказал нам «селям». Мы все низко поклонились ему, — и затем шт.-капитан Руцковский стал представлять нас, называя чин каждого офицера и фамилию. Шамиль протягивал руку, кивал головою и молча же переходил, по очереди, к следующему офицеру... Когда вся эта предварительная церемония была окончена, он сделал несколько шагов по направлению к дивану и грузно опустился на него, сказав что-то по-татарски.

— Имам приглашает вас, господа, садиться! — быстро проговорил переводчик Грамов.

Мы тихо опустились на свои стулья, — и только тут я заметил, что вместе с Шамилем, в приемную вошли еще несколько татар в богатейших черкесских костюмах, с дорогим

оружием за поясом и в высоких папах. Все они чинно, не спеша шагами, прошли к дивану, на котором сел Шамиль, и разместились вдоль стены, по правую и по левую сторону от своего повелителя. Все эти рослые красавцы морицы, между которыми, как оказалось после, находились два сына имама и его зять, стояли не только безмолвно, но даже не шевелясь, подобно статуям, с скрещенными на груди руками и глазами, опущенными долу. Этого требовал восточный этикет и высокое положение Шамиля, как светского владыки и, в то же время, высшего духовного лица.

Начался разговор, отрывочный, несвязный и малонитесный. Шамиль, пристально глядя на офицера, предлагал какой-нибудь неважный вопрос, переводчик быстро повторял этот вопрос по-русски, и затем передавал ответ по-татарски. Вопросы касались преимущественно самых обычных вещей: где стоит ваш полк? — через какие города вы ехали? — есть место стоянки? — Через какие города вы ехали?

«Т. под Если Шамиль видел на офицере какой-нибудь орден с мечами, то спрашивал, за какое дело получен был этот орден? Ответы наши были, по большей части, удачные, так как Руновский предварил нас о характере вопросов.

Когда дошла очередь до меня, то я сказал, что приехал из Чембара, за 1.000 верст, и что мне многие товарищи завидовали, что я еду в город, где увижу его, имама... Шамиль, когда Грамов перевел ему мой ответ, слегка качнул головою вперед и как-то странно и грустно улыбнулся.

А чем отличается Чембар? — спросил он. — Я ответил, что в 12 верстах от этого города находится могила М. Ю. Лермонтова, знаменитого поэта, бывшего кавказского офицера.

— Я о нем слышал, он описывал Кавказ, — сказал Шамиль.

Дошла очередь до поручика Орлова. Узнав, какого он полка и что он долгое время служил на Кавказе, Шамиль спросил, в каком деле он получил свой георгиевский крест.

Орлов ответил:

— За штурм аула Китури, когда был взят в плен наиб Хаджи-Магомет.

Но едва только переводчик успел передать Шамилю ответ как этот усталый и флегматичный с виду старик мгно-

венно выпрямил свой сутуловатый согнутый стан, брови его нахмурились, а глаза блеснули недобрым светом. В то же время шевельнулась и вся его свита, которая до того стояла манекенами. Руиновский побледнел и завертелся на своем месте. Мы все поняли, что произошло что-то особенное, неприятное. Вдруг Шамиль быстро проговорил, два раза подряд, какую-то фразу, в которой упоминалось имя того же Хаджи-Магомета, оказавшего, как объяснилось, после, отчаянное сопротивление (в августе 1858 года) нашему отряду, которым командовал генерал-лейтенант барон Вревский, раненый в этом деле двумя пулями, от которых вскоре и умер.

Имам говорил, что Хаджи-Магомет был взят в плен мертвым, — проговорил сконфуженный Грамов. А между тем Шамиль, все еще хмурый и видимо недовольный, поднялся со своего места; это означало, что наша аудитория закончена, и мы стали откланиваться.

Едва мы только спустились в нижний этаж, как Руиновский накинулся на сконфуженного Орлова:

— Что вы наделали?! Как можно было говорить Шамилю такие вещи!.. и пр.

Орлов оправдывался, ссылаясь на официальную реляцию о деле под Катури, в которой Хаджи-Магомет был показан «взятым в плен», и что лишь на другой день после битвы было отправлено дополнительное донесение, в котором сообщалось, что пленный наб умер от ран»...

В действительности же было так, как говорил Шамиль: то-есть, Хаджи-Магомет был найден мертвым в башне, в которой он защищался, получив множество ран. А для того, чтобы реляция казалась пышнее и победоноснее, в ней начальство немного прихвастнуло, упомянув о таком трофее, как «пленный предводитель племени», в расчете, конечно, на более щедрые награды за дело.

Так неловко закончилась наше представление Шамилю. Вскоре мне довелось увидеть этого знаменитого пленника еще несколько раз — один раз на вечере, в доме полковника Еропкина, а два раза в зале дворянского собрания на происходивших в то время дворянских выборах.

II.

Вечер у полковника Еропкина с Шамилем. — Мазурка. — Сыновья Шамиля: Кази-Магомет и Магомет-Шаффи. — Мюрид Хаджио и Абдуррахим. — Представление Шамилю бывших пленных солдат. — Калужские нищие. — Посещение Шамилем дворянских выборов.

Спустя несколько дней после представления Шамилю, я был приглашен к полковнику Еропкину на вечер «к пяти часам». Я был очень удивлен таким ранним часом, но тем не менее постарался приехать к этому именно часу. Оказалось, что на вечер должен был приехать и Шамиль, а так как он ложился зимою, обыкновенно, не позже восьми часов, то всех гостей и приглашали к пяти.

Это был, как я узнал, первый еще выезд Шамиля в частный дом в Калуге, да и вообще в России: в Петербурге пленный имам бывал лишь во дворцах, а собственно «в гости» ни к кому не ездил.

Я застал у гостеприимного хозяина большое общество, преимущественно из военных и их жен. Хотя это был простой вечер, но дамы были почему-то одеты по бальному: к декольтированы. Было несколько очень красивых дам и девиц.

В шестом часу в комнатах произошло заметное движение: дали знать, что Шамиль подъехал к крыльцу, и хозяева направились в переднюю встречать его. Вскоре, действительно, в зал вошел Шамиль: он шел тою же тихою и грузною походкою и так же тяжело и прерывисто дышал, но одет он был совсем уже иначе: на нем нагольного полушубка, на нем была темнокофейного сукна черкесска с патронами на груди (гозыри), на поясе надет был кинжал в ножнах, отделанных, впрочем, не в золото, как, например, у его мюрида Хаджио, а в серебро; на голове тоже была более нарядная чалма. Он проведен был хозяином дома в гостиную и сел на диван. С ним вместе вошли в гостиную два сына, два зятя и несколько мюридов, но никто из них не осмелился сесть в присутствии имама, и все они смиренно стали по правую и по левую сторону дивана, у стены — точь-в-

точь так, как стояли в доме Сухотина, когда мы представлялись Шамилю. Руновский и Грамов находились тут же неотлучно — первый в качестве пристава, второй как переводчик. Хозяйка дома, ее старшая дочь и несколько дам находились также в гостиной, куда вскоре были поданы чай, фрукты и разные сласти. О чем был разговор в гостиной — этого я не мог знать, так как мы, т. е. молодежь обоего пола, находились в большом зале и, по окончании чая, должны были сейчас же начать танцевать; мне было известно лишь, что Шамиль был очень изумлен присутствием на вечере особ прекрасного пола не только с открытыми лицами, т. е. без чадр, но даже и с весьма оголенными плечами. Ранее он видел такие откровенные женские костюмы лишь в театрах и полагал, что там, в общественных местах, это допустимо еще кое-как, но та же откровенность дамских платьев в частном доме его, видимо, ошеломила.

Он что-то спросил Грамова, и Грамов ему что-то ответил, но, видимо, сконфуженный. Когда Еропкин спросил потом переводчика, в чем дело, то Грамов (молодой светский человек и большой волокита) сказал: «Шамиль хотел знать: не холодно ли дамам?..».

Затем он спросил у Еропкина, есть ли у него меньшие дети, и пожелал их видеть. Когда дети подошли, то он долго ласкал их и не отпускал от себя до тех пор, пока начались танцы.

Танцы начались обычным вальсом. Затем стали танцевать только что вошедшие тогда в моду лансье. Шамиль вышел в залу, сел на стул и глядел на танцующих. Еропкин спросил его о впечатлении, производимом на него танцами, — и он ответил, что удивляется свободному обращению между собою двух полов, что у них это нельзя; а относительно танцев сказал прямо, что эти танцы ему не нравятся. Хотели было танцевать лезгинку, так как нашелся умеющий офицер, но на беду оказалось, что ни одна из дам не умела танцевать этот национальный кавказский танец, — и тогда решили начать прямо мазурку. Хотя всей музыки был лишь рояль и скрипка, — так как это был собственно не бал, а просто званый вечер, — но едва только раздались по залу увлекательные и торжественные звуки Глинки, как Шамиль оживился, качнул несколько раз в такт головою и

насторожился. Когда начался танец, полный грации и пластики, — Шамиль пришел в окончательный восторг: он улыбался, взглядывал то на Ерошкина, то на Руновского, и знаками выражал им свое полное удовольствие от мазурки.

Более часу смотрел Шамиль на танцующих; затем поднялся со своего места и стал прощаться. С ним вместе уехал с вечера один его старший сын Кази-Магомет — угрюмый, неразговорчивый и некрасивый горец, по внешности мало похожий на отца: лишь такой же широкоплечий и высокий и немного сутуловатый; он был по виду лет 35, по почему-то без всякой растительности на лице, которое он по-видимому, брил; лицо у него было длинное, глаза узкие и маленькие и крайне неприятные.

С их отъездом быстро изменился весь характер вечера: все оживилось, развернулось и стало непринужденно веселиться. Дамы тотчас же овладели горцами, из коих двое особенно привлекали на себя их благосклонное внимание: первый был Магомет-Шеффи, младший сын Шамиля, имевший в то время всего 15 лет; он ростом был пониже брата и такой же здоровенный и крепкий юноша, но во всем остальном не схожий с братом: чрезвычайно красивый, с чисто женственным лицом, очень разговорчивый и веселый, он старательно учился говорить по-русски, в противоположность брату, который наотрез отказался учиться нашему языку.

Второй горец, полюбившийся калужским молодым дамам того времени, был любимый мюрид Шамиля, по имени Хаджю — красавец собой, типичнейший представитель кавказского племени: белоснежное лицо, обрамленное изящною, черною бородою, черные блестящие глаза и длинные ресницы, строгий профиль, алый рот, жемчужные зубы, маленькая женская рука, средний рост и большая физическая сила: на нем был шелковый бешмет, дорогого сукна черкесска, редкое оружие — шашка и кинжал, — отделанное в золото с чернью; он имел страстное желание не только научиться говорить по-русски, но и танцевать; у него были манеры, полные почти женственной грации, постоянная улыбка на лице и со всеми приветливость и любезность поскольку, конечно, это было возможно при его познаниях в русском языке. Таков был мюрид Хаджю. За Шамилем в ссылку он отправился с Кавказа добровольно и был своему

великому повелителю самым верным и преданным слугою, другом в в то же время казначеем.

На том же вечере обращал на себя внимание зять Шамиля — Абдуррахим, женатый на второй его дочери Фатимат: он, подобно Хаджию, настолько быстро усвоил понимание русского языка, что мог уже, с грехом пополам, разговаривать. Все эти успехи он и Хаджию сделали в течение нескольких месяцев своего пребывания в Калуге. На своем же языке, по-черкесски, они свободно разговаривали с теми казанскими татарами, солдатами калужского гарнизона, которые были отряжены к Шамилю для постоянных услуг в доме, в качестве дворников, неточников, конюхов и проч.; оказывалось, что казанское наречье было очень похоже с азербайджанским, на котором говорили горцы, — и это значительно облегчало положение пленников и их сношения с мужскою прислугою. Интересно еще следующее обстоятельство: по приезде Шамиля в Калугу, к нему, как мы рассказывали, явилось пять человек оставших солдат из местных уроженцев, побывавших когда-то в плену у горцев. Когда они явились на двор дома, где проживал Шамиль, то Руновский спросил их, что именно нужно им и с какой целью они желают представиться?

— Мы желаем, ваше благородие, явиться к нашему бывшему хозяину, — отвечали солдатики, и их, конечно, допустили, и Шамиль был очень доволен, что бывшие пленники вспомнили о нем, и наделил их серебряными рублями.

Вообще, Шамиль не знал счету деньгам — правильнее, цены им, — чем и приводил в величайшее отчаяние своего казначея Хаджию, ведавшего всеми расходами по дому, где жили знаменитые пленники. Калужские нищие прежде всех проведали об этой стороне характера имама, и простаивали иногда по целым дням за углами соседних домов, карауля как самого Шамиля, так и лиц его свиты — сыновей, зятьев и мюридов, — когда они выходили на улицу, чтобы пройти. Шамиль обыкновенно подавал им те монеты, которые были в данное время в его кармане — были ли то рубли, полтинники или гривенники, — безразлично. Хорошо еще, что золото стало исчезать тогда из обращения: бумажек же татары не долюбливали и избегали иметь их.

— Как я могу подать нищему одну или две копейки, —

говорил Шамиль: — а вдруг случится, что ему в тот день никто более не подаст?!.. чем же он будет сыт?

И только спустя несколько месяцев Руновскому удалось, наконец, убедить и Шамиля, и его ближайших родственников, что они делают довольно сомнительное добро, подавая серебряные монеты калужским нищим.

— Вы помогаете злему делу, помогаете греху, — объяснил им Руновский: — на вашу милостыню эти люди напиваются пьяны и потом дерутся и буйствуют и не хотят уже трудиться...

Шамиль был очень опечален, когда увидел, что он вместо желаемого добра, творил зло, и с того времени стал подавать милостыню лишь старикам и старухам.

В ту зиму в Калуге не было никакого театра, а между тем из Петербурга шли инструкции о том, чтобы Шамиль не скучал и чтобы, по возможности, его развлекали. В то время происходили в Калуге дворянские выборы, повторявшиеся, обыкновенно, через каждые три года. Шамилю предложили посетить эти выборы, и он согласился. Нам, приехавшим офицерам, сказали об этом, и мы, надев мундиры, отправились в собрание.

Мы застали Шамиля и всю его свиту уже в зале собрания. Шамиль сидел, поджав по восточному ноги, на эстраде, или на небольшом возвышении от полу, на котором помещался громадный, в натуральную величину, портрет государя; по обеим сторонам от него, как и прежде, стояли, не шевелясь, его сыновья, зятья и мюриды. Иногда кто-нибудь из присутствующих на баллотировании дворян подходил к нему и, при помощи переводчика, обменивался несколькими фразами; это позволяли себе исключительно те заслуженные военные, которые уже раньше были где-нибудь ему представлены. Затем Шамиль поднялся с места и, величаво пройдя всю залу, уехал из собрания. Свита же его осталась и тотчас же разделилась на две половины: Магомет-Шеффи и Хаджио направились прямо на хоры, к барышням, а осталь-

ные принялись разгуливать по залам и стали курить табак, чего отнюдь не смели делать в присутствии Шамиля, который и сам не курил, и им не позволял, находя это «роскошью», с которой воины гор не должны быть знакомы.

III.

Клуб в Калуге. — Шамиль на вечере дворянства в клубе. — Судьба Шамиля и его сыновей. — Учение мюридизма. — Знакомство Шамиля с губернским предводителем дворянства Щукиным. — Снятие фотографий с черкешенок. — История с бриллиантами жены Шамиля. — Красота Керимат, жены Кази-Магомы.

Однажды, когда в клубе устроен был какой торжественный вечер, даваемый дворянами избранному вновь на трехлетие губернскому предводителю Щукину, и предположены были танцы, Шамиль явился в клуб в сопровождении своей свиты, и по случаю его посещения, я помню, мазурку начали танцевать тотчас же после первого контданса. Так как музыку оркестров Шамиль вообще почему-то недолюбливал, то мазурку танцевали, как и у Еропкина, под звуки рояля, инструмента очень нравившегося Шамилю, Более часу смотрел имам на танцующие в мазурке пары и, обратясь к Руновскому, сказал:

— Это лучше, чем балет, который я видел в Петербурге, там почти голые танцуют.

В виду того обстоятельства, что Шамиль стал изъявлять любовь к музыке, Руновский написал об этом в Петербург, а оттуда прислал был в Калугу, в дар Шамилю, большой орган, на котором он потом и играл с величайшим удовольствием сам и часто открывал его, стараясь изучить и постигнуть секрет его внутреннего механизма...

Впоследствии, когда, случалось, Шамиль посещал частные дома своих калужских знакомых и если только видел в зале рояль, то прежде всего спрашивал — умеет ли кто-нибудь

на нем играть? ... и так как ответ получался всегда утвердительный, то гость просил сыграть ему что-нибудь, и хозяева спешили исполнить его желание. При этом было принято избегать играть марш из «Фауста» или «Славься» из «Жизни за царя».

Но не все желания Шамиля могли быть исполнены. Так, например, во время моего пребывания в Калуге, он изъявил желание Руновскому видеть наше богослужение в самом храме и именно архиерейское, торжественное. Начались переговоры: Руновский дал знать в Петербург, поехал к местному архиерею: но ничего из этого не вышло: архиерей, соглашаясь, чтобы Шамиль в храме сидел, выразил неперемное условие, чтобы он снял с головы папаху, а имам никак не соглашался подчиниться этому условию, в силу обычая мусульман ходить везде с покрытою головою, и дело это не состоялось.

В заключение о жизни Шамиля и его семейства в Калуге, в то время, т. е. в начале 1860 года, нахожу интересным сообщить еще несколько сведений, который мне довелось слышать тогда и узнать после, во второй мой приезд в Калугу, спустя год, по тому же казенному поручению.

Всего именитых пленных горцев, считая в том числе женщин, проживало в Калуге в то время 22 человека. При Шамиле, как я упоминал, жили два его сына: старший из них Кази-Магомет, прибыл в Калугу несколько месяцев спустя после отца, и на одном из собраний у полковника Еропкина усердно благодарил представителей высшего калужского общества за внимание и ласки к своему престарелому отцу и обещал «заслужить за это вдвойне — и за себя, и за отца». И действительно «заслужил» в минувшую турецкую войну 1877 года, когда, состоя на службе в Турции в чине дивизионного генерала, он обложил Баязет и морил голодом, принуждая к сдаче несчастный гарнизон этой маленькой крепости, находившийся в конце осады, под начальством доблестного капитана Штоквича. Еще во время владычества его отца на Кавказе, его хотели сделать имамом за его выдающиеся военные способности, которые он проявлял главным образом во время своего знаменитого по удаче набега на Кахетию в 1854 году, когда горцам удалось разграбить и сжечь богатейшее имение князя Чавчавадзе Цинандалы и

захватить в плен семейство как самого генерала Чавчавадзе, так и умершего князя Орбелиани.

Кроме сыновей, при Шамиле находились и его зятья, из коих я запомнил лишь одного. Абдурахимал потому что он знал много русских слов, а когда я приехал год спустя, то он и морид Хаджио могли уже говорить по русски целые фразы, а Хаджио стал уже брить голову очень редко, душился, курил табак, а на пальцах носил золотые колечки — сувениры калужских дам, которые сами за ним ухаживали, и не без успеха... то был единственный горец из всей свиты Шамиля, имевший в Калуге любовные приключения, благодаря, прежде всего, конечно, отважности самих дам, бросавшихся прямо на шею Хаджио...

Младший сын Шамиля поступил впоследствии в ряды русской армии, дослужился до чина генерал-майора и здравствует и поныне, проживая в одной из приволжских губерний. Когда в 1865 году, ему поручено было съездить на Кавказ и выбрать в татарский эскадрон (конвойный) джигитов, то горцы из Чечни и Дагестана, как только узнали, что сын Шамиля прибыл на Кавказ, съезжались со всех сторон, чтобы только взглянуть на него и убедиться, что он жив и служит русскому царю... Магомет-Шеффи остался верным раз принятой им присяги, и ему, вследствие этого пришлось, кажется, порвать родственными связи с братом, направившимся по иному пути.

Сам Шамиль, как известно, присутствовал в 1866 году на свадьбе цесаревича Александра Александровича в Петербурге, где и произнес на арабском языке свою знаменитую речь, окончившуюся словами: «Да будет известно всем и каждому, что старый Шамиль на склоне дней своих жалеет о том, что он не может родиться еще раз, дабы посвятить свою жизнь на служение белому царю, благодеяниями которого он теперь пользуется!...»

Известно, что вскоре после этого покойный государь Александр Николаевич отпустил Шамиля, которому было в то время 72 года, «на честное слово», на богомоление в Мекку, что когда старый имам, остановившись по дороге в Константинополь, ходил по улицам этого города, то турки всех возрастов, состояний и полов падали перед ним, в знак величайшего благоговения, ниц и лежали распростертые на

земле все время, пока проходил мимо их этот замечательный человек — духовный глава мюридизма и воин, пронесавший почти 25 лет с той самой Россией, которая обыкновенно, разбивала этих турок наголову.

Здесь, кстати, следует сказать хоть несколько слов о том учении, во главе которого стоял Шамиль и которым он был так силен. МЮРИДИЗМ не заключал в себе особых богословных догматов отличающих его от общего магометанского учения: напротив, он открыто проповедовал согласие и единство шнитов и суннитов, чтобы они в виду общего врага, христианства, забыли свою взаимную нетерпимость и домашние споры и соединились воедино.

В Калуге было одно высокопоставленное лицо, к которому старый Шамиль был особенно расположен, — это был губернский предводитель дворянства Щукин. Причины особенной симпатии бывшего кавказского владыки к этому почтенному человеку заключались в том, что сын Щукина и старший сын Шамиля, Джемалдин, воспитавшийся в России, не только служили в одном уланском полку, но были еще и очень дружны между собой. Вот это обстоятельство, в связи с той любовью, которую имел Шамиль к своему, так безвременно умершему сыну, а равно и с тем уважением, которое внушала к себе самая личность Щукина, и были причиной, что Шамиль стал открыто выражать свое особенное расположение к предводителю калужского дворянства и даже пожелал присутствовать в дворянском собрании еще раз — именно в последний день выборов, когда дворяне должны были избрать губернского предводителя, на какую-то должность вновь баллотировался Щукин. Шамиль, как рассказывают, очень волновался и беспокоился за участь своего «кунака», чтобы его не забаллотировали, и был чрезвычайно доволен, когда, по подсчету белых шаров, Щукин оказался избранным громкими криками одобрения со стороны дворян.

Но эта же приязнь Шамиля к отцу друга и товарища его покойного сына послужила поводом к некоторому огорчению

имама. Все дело вышло из-за фотографии. Семейство Щукина, т. е. дамы, познакомившись с дамами семейства Шамиля, подарили им свои фотографические портреты и пожелали, конечно, получить взамен их фотографии. Но это, по мусульманскому обычаю, оказалось невозможным, так как мужчина не должен видеть лицо жен и дочерей у магометан, исключая самых близких родных — отца, мужа, братьев. А между тем, фотографий дам семейства Шамиля желали иметь в Петербурге многие великие княгини, и это дело надо было, во что бы то ни стало, устроить. И вот, приста Шамиля А. И. Руновский, переговариваясь с фотографами, придумали следующий компромисс: снимать взялась жена одного из калужских-же фотографов... Шамиль, бывший вообще против снятия и ставивший главным препятствием магометанский закон, должен был, скрепя сердце, согласиться, и таким образом, были сняты обе жены имама, две его снохи и одна замужняя дочь, жена Абдураххима.

Но накануне дня, назначенного для снятия фотографии, в семействе великого имама произошла маленькая драматическая сцена, во время которой было пролито немало слез любимой и преданной женой Шамиля — Шуаннат (или Шуанет), пленною христианкою, обращенной потом в мусульманство. Дело в то, что для фотографии следовало, конечно, одеться понаряднее, и по этой части дамы Шамиля имели все необходимое; поум хотелось иметь на себе, во время снятия портретов, еще и бриллианты... И вот одна из супругов, Зейдат, имела эти бриллианты, а Шуаннат — нет; то есть, бриллианты эти, отобранные горцами от пленных княгинь Чавчавадзе и Орбелиани и доставшиеся женам Шамиля, были впоследствии, во время взятия Гуниба русскими войсками, в 1859 году, разграблены самими же приверженцами Шамиля во время всеобщей паники и суматохи в конаке имама. Но хитроумная Зейдат, предвидя неизбежный погром, сумела припрятать принадлежащие ей драгоценности в платье и шальвары, которые в тот роковой день на себя надела, а преданная и любящая Шуаннат была занята лишь судьбой мужа и готовилась разделить с ним его участь, т. е. смерть, какую легко можно было ожидать, и не позаботилась о своих сокровищах, которые и исчезли... И вот теперь, узнав, что

Зейдат хочет сниматься в бриллиантах, Шуаннат стала горько плакать, а затем, излила свою печаль не только перед мужем, но, при посредстве Хаджию, и перед приставом Руновским. Не помню, чем кончилась тогда эта история, но что фотография со всех «дам» семейства имама была снята — это я знаю наверно: и, по всей вероятности, портреты эти сохраняются в семье Щукиных и по настоящее время. Особенною красотою на этих фотографиях выделялась черкешенка Керимат, жена Кази-Магомеда, старшего сына Шамиля, которая, спустя два года, в мае 1862 года, — умерла в Калуге, от перемены климата, всего 25 лет от роду, Она была красоты поразительной, — и суровый муж ее не имел даже, при ее жизни, других жен, как это позволял ему закон, его богатство и положение.

IV.

Как жилось горцам в Калуге. — Лошади, подаренные государем Шамилю. — Покушение на кражу этих лошадей. — Решение горцев перестрелять воров. — «Кавказ в Калуге». — Встреча с Шамилем год спустя. — Тоска по родине у горцев. — Любовь Шамиля к дамам. — Открытие старых ран у Шамиля. — Мюрид Хаджию цивилизуется.

В общем, Шамилю, его семье и свите жилось в Калуге недурно, они получали от щедрот государя более чем достаточное для их содержания; им отведен был один из лучших домов и Калуге, дан многочисленный штат прислуги, они пользовались полнейшею свободой в Калуге, все их самыя желанья были немедленно исполняемы, сам Шамиль пользовался полнейшим почетом и всеми внешними знаками уважения, приличествующими лишь коронованным особам и пр.; в одном лишь стеснены были эти именитые горцы — с них было взято слово, что они не сделают попытку к бегству и, вообще, не перейдут за городскую черту Калуги.

Заботливость императора Александр II о знаменитых

пленниках доходила до того, что он требовал иногда к себе подлинные донесения Руиновского. Прочитав однажды в этих донесениях, что Шамиль вздыхает о том, что у него нет лошадей, государь тотчас послал ему в подарок четырех прекрасных коней — пару для выезда и пару верховых. С этими лошадьми вышла потом следующая интересная история: калужские конокрады едва их не увели; была уже проломана стена конюшни, выходящая в сад, и лишь простая случайность — лай маленькой собачонки, принадлежавшей истопнику — помешала этой дерзкой краже. Шамиль долго потом не мог переварить в своих понятиях этого казуса, что у него осмеливались увести лошадей, подаренных ему самим государем, и раза два спрашивал Руиновского, пойманы ли воры и повешены ли они... А когда узнал, наконец, что воров не нашли и что их, если и найдут, то никоим образом не повесят, распорядился учредить ночной караул, а в первую ночь отправился сторожить лошадей его зять, мюрид Абдурахим, с винтовкою, заряженною пулею, и с решительным намерением перестрелять конокрадов, если они появятся... Едва-едва потом убедили горцев, что у нас это «не полагается».

Следует еще сказать, что все эти горцы, с Шамилем во главе, были чрезвычайно признательны и благодарны за оказываемые им милости и внимание. Шамиль, например, будучи еще в Петербурге (по пути в Калугу), просил своего первого пристава, полковника Богословского, передать его признательность шубинке в следующих выражениях: «Скажите им, что внимание их делает меня вполне счастливым и доставляет такое удовольствие, какого я не испытывал при получении известия об очищении Дарго в 45 году и какого не доставляли мне даже успехи в 43 году, в Дагестане»... В самой Калуге Шамиль не раз, шутя, конечно, говорил окружающим его русским лицам: «Если бы я знал, что мне здесь будет так хорошо, я бы давно сам убежал из Дагестана!»... Когда, однажды, высокопочтенный «кунак» его, Щукин, спросил его, желал ли бы он вернуться на Кавказ, то Шамиль, вздохнув, ответил: «Зачем?! Теперь Кавказ — в Калуге»...

И действительно: здесь жило, так сказать, все правительство Кавказа — семья Шамиля, то есть он сам, две его жены и его дочери от Шуаниат; затем жили две отдельные семьи

его двух сыновей, два его зятя, женатые на его дочерях, мюрид Хаджио, — словом, все те, которые раньше держали судьбу Кавказа и все его разноплеменное, воинственное население.

— Какой я теперь имам! — говорил иногда, вздыхая, этот пленный лев и подписывался: «раб Божий Шамиль»; жена же его любимая, Шуанинат, подписывалась так: «жена бедного странника Шамунила».

Когда я, год спустя, в январе 1861 года, приехал в Калугу во второй раз, семья Шамиля, его родные и свита жили по-прежнему в Калуге, но, судя по рассказам, тоска по родине начала уже томить этих богатырей кавказских гор: мужчины становились менее общительны и более мрачны, а женщины таяли, как воск... Единственным наслаждением горцев, как мужчин, так и женщин, составляло смотреть, иногда по целым часам, с высокого берега Оки, на котором расположена Калуга, вдаль, по ту сторону реки, на просторы лугов и полей...

Официальные представления Шамилю приезжающих в Калугу офицеров были уже отменены, и я видел имама в этот мой второй приезд всего раз, в доме того же гостеприимного полковника Еропкина, на вечере, который посетил и Шамиль. Об этой моей последней встрече с Шамилем, у меня сохранилось в памяти очень немного. Первое, что поразило меня — это была та страшная перемена в лице пленника, за год времени: лицо его стало совсем желтым и крайне болезненным, а дыхание было до того прерывисто, что он не мог говорить подряд десяти слов — ему постоянно приходилось вбирать в себя воздух... Видно, несладка для него была неволя, хотя и в золотой клетке!..

От того вечера остались в моей памяти еще следующие обстоятельства. Едва только Шамиль вошел в гостиную и сел, как к нему подбежали дети хозяина, и он, улыбаясь, стал ласкать их и посадил к себе на колени. Оказалось, что Шамиль чрезвычайно любил детей и обладал особою способ-

ностью привязывать к себе сразу детские сердца. Затем я помню, что, когда перешли в столовую к чаю, то Шамиль, взяв одно яйцо и съев его, сказал, что красные яйца, которые подаются на Пасху, гораздо вкуснее... Когда Громов перевел это, то все улыбнулись. а Шамиль, заметив это, еще раз повторил свое мнение насчет особого вкуса крашенных яиц...

Прослушав несколько пьес, исполненных на фортепиано старшей дочерью хозяина, Шамиль стал прощаться, и мы все, мужчины - гости, подошли к нему и стали откланиваться; он почему-то так крепко пожал всем нам руки, что у нас, как говорится, кости трещали, и мы долго потом расправляли пальцы на правых руках... Руновский объяснил эту странность теми обстоятельствами, что у Шамиля открылись старые раны, полученные им при взятии русскими войсками известной башни в Гимрах, где был убит в это время первый имам Кавказа, Кази-Мулла, и что Шамиль поэтому стал очень нервен и странен...

Один лишь мюрид Хаджю несколько не изменился за протекавший год: он был также весел и беззаботен, объяснялся по русски уже без переводчика и выучился даже танцевать кадрили, позволяя себе, однако, это удовольствие лишь в отсутствие своего повелителя. Любовные похождения этого красавца мюрида шли крещендо, и он имел теперь себе товарища в этих делах — в лице переводчика Грамова, который ему повсюду сопутствовал, разделяя с ним если не плоды победы, то опасности.

V.

Встреча с генералом Магомет-Шеффи-Шамилем в Кисловодске. — Первое знакомство с ним в 1860 году, в Калуге. — Встреча В. П. Далматова с Шамилем у меня. — Особенное внимание горцев к сыну Шамиля. — Имение, пожалованное императором Александром II Шамилю-отцу. — Вторая женитьба Магомет-Шеффи. — Служба на конвое. — Просьба сына Шамиля в турецкую войну. — Нечаянная встреча генерала Шамиля с императором Александром III. — Безвыходное положение и услуга портного. — Шамиль-самозванец в Париже.

Моя статья в августовской книжке «Вестник Европы» 1898 года «Поездка к Шамилю в Калугу» послужила поводом к новой встрече с сыном бывшего кавказского имама, генералом Магомет-Шеффи, единственным из трех сыновей Шамиля, вступившем на русскую службу и проживающим в России. Встреча эта произошла при следующих обстоятельствах.

Летом 1899 года я жил в Кисловодске. Просматривая однажды в «Сезонном Листке» списки лиц, приехавших лечиться на минеральные воды, я прочел в этом списке и имя генерала Магомет-Шеффи-Шамиля, прибывшего в Кисловодск. Так как я встречал его 38 лет тому назад, в Калуге, когда он был еще 15-летним юношей, то меня очень интересовало, конечно, встретиться с ним вновь — при овервершенно других обстоятельствах. Несколько дней спустя, я с ним, действительно, и встретился. Это произошло так. Я и генерал В. А. Потто сидели в парке и разговаривали о прошлом Кавказа.

— Вот, кто многое мог бы порассказать о былых героях кавказской войны, — сказал вдруг Василий Александрович, — и указал в сторону подходившего к нам, еще нестарого, генерала, очень полного блондина с рыжеватою подстриженной бородою, высокого роста и атлетического телосложения, в котором я никак не мог бы признать того, небольшого роста, безусого юношу, которого встречал в Калуге. Оказалось, это и был средний сын Шамиля, Магомет-Шеффи.

Василий Александрович представил нас друг другу, и генерал Шамиль тотчас же спросил меня:

— Это не ваша ли статья была напечатана в «Вестнике Европы» в прошлом году, о моем отце?

Я отвечал утвердительно.

— Очень рад, что с вами встретился, — сказал Магомет Шеффи, — и имею возможность поблагодарить вас лично за эту статью. В ней ничего выдуманного, — как, например, в статье бывшего пристава при моем отце, полковника Пржешлавского.

Генерал говорил ломаным русским языком, каким, обыкновенно говорят наши горцы, не бывшие в русских учебных заведениях, но его речь была правильная и округленная. — Далее, он продолжал:

— Я лечился в прошлом году морскими ваннами в Кеммерне, в это время генерал С. прислал мне книжку журнала с этою вашею статьей.

В дальнейшем разговоре я спросил его, помнит ли он, как я и несколько других офицеров окружили его в одном из боковых залов калужского дворянского собрания и просили вынуть из ножен и показать нам кинжал.

— Чуть помню, — отвечал генерал.

С того времени мы стали, почти ежедневно, встречаться в Кисловодском парке и разговаривать. Затем, стали и бывать друг у друга. Однажды Магомет-Шеффи застал у меня известного артиста В. П. Далматова.

— Мы немножко знакомы, — сказал генерал артисту; — когда вы были в Казани, я наслаждался вашею игрою в театре.

В. П. поблагодарил за любезность и прибавил:

— А я вам, генерал, был очень обязан тогда за черкесский костюм. Ваш сын вручил меня однажды, достав вашу черкеску, которая была нужна мне в одной пьесе.

— Да, да, помню. Сын пришел ко мне и говорит: дай, папа, артисту Далматову свою черкеску: она ему необходима на сцене, а ни у кого в Казани ее нет. Она вам не была мала? — улыбаясь, спросил генерал.

— Какое, мала! Пришлось делать складки, — смеясь, отвечал г. Далматов, мужчина тоже нехуденький.

В конце августа Магомет-Шеффи-Шамиль уехал из Кисловодска. Наступила зима; я жил в Петербурге. Однажды, в рождественский сочельник, я слышу, кто-то в передней спрашивает служанку, дома ли я. Оказалось — это был генерал Шамиль, разыскавший меня в Питере. Он приехал на целый месяц и жил в Офицерском собрании, на Литейном, где я потом и посещал его. И вот во время этих наших свиданий, как и в Кисловодске же, Магомет-Шеффи-Шамиль рассказывал мне очень много о своем знаменитом отце.

Я нахожу небезынтересным привести здесь часть этих рассказов — главным образом, то, что может служить поправками к неверным сведениям, напечатанным, как о самом имаме Шамиле, так и об его семье, а равно и такие сведения, которые не были напечатаны вовсе.

Но прежде скажу несколько слов о пребывании генерала Шамиля в Кисловодске, так как это тоже представляет некоторый интерес, как увидят читатели.

За время своего пребывания на Кавказских Минеральных Водах, Магомет-Шеффи-Шамиль был, можно сказать, самым популярным человеком: им все приезжие в Кисловодск очень интересовались, как сыном человека, которому так еще недавно принадлежала часть Кавказа, который был полновластным владыкою горцев, имевшим право на их жизнь и смерть, и который 25 лет вел неустанную войну с Россией, считавшейся самым могущественным военным государством в мире. Еще более, чем приезжие на воды, интересовались сыном Шамиля горцы. Как только прошел по Кисловодску и соседним аулам слух, что сын Шамиля приехал на Кавказ, и об этом узнали ближайшие горские племена — кабардинцы, карачаевцы и другие, — то вскоре же в аллеях Кисловодского парка стали появляться совсем необычные посетители вод: можно было встретить седых уже, но все еще статных и величавых стариков-горцев, в их живописных национальных костюмах, выжидавших возможность взглянуть «на сына Шамиля». И Бог весть, какое чувство западало в душу этих былых героев, закалившихся в своей давно минувшей, героической, чисто легендарной борьбе с Россией, — когда перед ними проходил сын их бывшего духовного владыки и

неограниченного светского повелителя, одетый обыкновенно, в военную тужурку с генеральскими погонами!..

Генерал Магомет-Шеффи не мог, конечно, не замечать этого страстного любопытства, возбуждаемого им в городах. Все дело, впрочем, только и ограничивалось этим безмолвным — и совершенно безвредным, — созерцанием: горцы никогда не решались заговорить с генералом или расспрашивать его о чем-нибудь... Сам генерал тоже никогда их не останавливал и не заговаривал с ними. Раз только, при мне, ему встретилась целая семья довольно, по-видимому, богатых кабардинцев, в их национальных костюмах, но без чадры у женщин, т. е. с открытыми лицами, состоящая из двух женщин и детей, и он заговорил с ними на туземном наречии: спросил их, из какого они аула и зачем приехали?.. Оказалось, что кабардинки лечились в Пятигорске, а затем приехали доканчивать свое лечение в Кисловодск. Сам Магомет-Шеффи приехал на воды из Казани, тоже ради лечения; он пользовался, собственно, ессентукскими водами, которые пил, живя в Кисловодске и купаясь в нарзане. Ничто другое не призывало его на Кавказ и не связывало с ним.

Из всех его родных проживал на Кавказе лишь один его **шурин** — Абдуррахим, бывший тоже на русской службе, имел чин подполковника, получал пенсию и жил «на своем хозяйстве», в Кази-Камухе. У генерала же Шамиля никакого имения на Кавказе не было. Его знатному отцу император Александр II «подарил» в Дагестане (ныне Дагестанская губерния), в Аварском округе, селение (аул) Гимры, где имено и родился имам, «с прилежащими к нему землями». Но с этим высочайшим даром случилась история. Когда Шамиль, в 1870 году, отправился в Мекку, то поручил управление этим обширным имением своему родственнику (племяннику), Джемал-эддину, с тем, чтобы половину доходов тот брал себе, в вознаграждение за труды по управлению имением, а другую половину отдавал на содержание сирот, детей воинов, как русских, так и черкесов, убитых в сражениях во время кавказской войны. Затем, прошли долгие годы; умер Шамиль, рано умер и Джемал-эддин, — и вот, в этом лишь году, генерал Магомет-Шеффи, приехав в Петербург, возбудил ходатайство о возвращении ему высочай-

ше пожалованного его отцу имения, находящегося во владении наследников Джемал-эддина. Имение это довольно ценное: его прессованные фрукты — персики, абрикосы и пр. — в количестве нескольких тысяч пудов, идут по всей России, и преимущественно в Москву и Петербург.

В настоящее время генерал Магомет-Шеффи-Шамиль продолжал числиться в Конвое Его величества, состоящем в распоряжении командующего войсками Казанского военного округа и проживает постоянно в Казани. В Казани же он и женился, так как его первая жена, Амминат, дочь чохского нанба, в Дагестане Энъкоу-Хаджио, умерла тоже в Калуге, не перенеся тамошнего климата. Магомет-Шеффи женился на ней еще до своего плена, именно в 1858 году, когда ему, жениху, было всего 13 лет, а невесте — 12. Теперешняя супруга генерала Шамиля — дочь именитого казанского мурзы: у них две дочери — красивые, молодые девушки, — судя по портретам, которые мне довелось видеть у их отца.

Магомет-Шеффи-Шамиль принял присягу на верноподданство ранее, чем все остальные члены семьи, — и уже в 1863 году был зачислен в Конвой. В сентябре 1866 года, на параде, бывшем в день свадьбы наследника — цесаревича Александра Александровича, молодой Шамиль подъезжал, в качестве ординарца от Конвоя Его Величества, к государю Александру II; затем, вечером во время торжественного бала, в Зимнем дворце, на котором присутствовал и старый Шамиль, государь, подойдя к нему, сказал: «Я сегодня любовался твоим сыном — каким он молодцом был на коне».

Во время последней нашей войны с турками, Магомет-Шеффи был уже полковником. Желая доказать свою преданность государю и своему новому отечеству, он однажды обратился к императору с просьбою послать его на место военных действий в Турцию; но покойный Александр II, со свойственной ему деликатностью, отказав в просьбе, пояснил:

— Я не хочу, чтобы ты воевал с единоверцами. — И затем, улыбаясь, прибавил: — Вот, подожди войны с пруссаками, — я тебя тогда в первый огонь пошлю.

Не лишен также интереса рассказ генерала Шамиля о милостивом отношении к нему императора Александра Алек-

сандровича. Приехав однажды в Петербург из Казани в двухдневный отпуск, чтобы повидать тяжело больного генерала Черевина, ранее бывшего начальником Конвоя, генерал отправился к нему в Царское Село, где жил в то время и Двор. Когда он сидел у больного в спальне, туда неожиданно вошел ординарец и доложил:

— Его величество государь император.

Магомет-Шеффи хотел было уйти в другую комнату, так как он, приехав в Петербург всего на два дня, не думал представляться ни государю, ни военному министру, и даже не имел с собой мундира и орденов; но генерал Черевин сказал, что это невозможно, т. е. чтобы Шамиль как бы прятался от государя.

Государь, войдя в комнату, прямо подошел к Магомет-Шеффи:

— Здравствуйте, Шамиль! Давно ли приехали?

— Только вчера, ваше величество, — отвечал Магомет-Шеффи.

Государь пробыл у больного Черевина более получаса и все время был очень любезен с Шамилем. Таким образом, необходимо надо было представляться ему официально. Ордена достать было легко: но являлся вопрос, где добыть генеральский мундир, который, пришелся бы на высокую, атлетическую фигуру Шамиля? Заказывать шить его было немыслимо, так как надо было представиться на следующий же день. В виду такого безвыходного положения, генерал Шамиль обратился к придворному военному портному — не сможет ли он помочь горю? Портной объявил, что в один день сшить мундира никак нельзя; но что у него, в мастерской, имеется почти законченный, общегенеральский мундир и он, к изумлению портного, оказался сшитым как будто бы прямо на него. В том мундире приезжий генерал и представлялся, а для государя сделали новый.

Но еще более интересный эпизод в жизни генерала Магомета-Шеффи случился с ним в Париже. Он жил там вместе с графом К-им; и вот однажды, пробегая «Фигаро», граф был поражен публикацией-рекламой, приглашающей почтеннейшую публику посетить в пассаже — сообщался адрес — «сына знаменитого Шамиля, бывшего владыки Кавказа, вое-

вавшего с русскими варварами в течение сорока лет», затем прибавлялось, что сын этот, по имени Магомет-Шеффи, имеет множество ран и лишь чудом спасся от смерти во время тупийского боя. В конце прибавлялось, что это удовольствие стоит всего один франк... Нечего, конечно, было говорить, как глубоко был возмущен этой публикацией действительный сын Шамиля, находившийся, по счастью, в это время в Париже, и графу К. стоило немалого труда удерживать бывшего горца от немедленной поездки к обманщику, для расправы с ним... Когда чувство первого пыла негодования улеглось, полковник Шамиль и граф К. поехали по указанному адресу. Заплатив два франка, они были допущены к лицезрению «сына Шамиля»... Это был громадного роста человек, брюнет, одетый в черкесский костюм и обвешанный с ног до головы оружием; по национальности он оказался армянином. Через переводчика, знающего армянский и французский языки, он изъяснялся с публикой. Граф К. обратился к нему на французском языке и стал расспрашивать... Но молодой Шамиль все-таки не вполне выдержал свою роль постороннего посетителя: он спросил обманщика прямо, по-русски:

— Вы, действительно, сын Шамиля?

Армянин, услышав русский язык, вначале сконфузился было немного, но затем, оправившись, начал свое бесстыдное вранье...

Шамиль взял под руку графа К., отвел его в сторону и сказал:

— Поезжайте в посольство, расскажите посланнику всю эту историю и попросите немедленно принять меры к арестованию этого обманщика. А я останусь здесь и не отойду от него ни на шаг.

Спустя некоторое время граф К. вернулся обратно, в сопровождении нескольких французских полицейских чиновников, и армянин был тотчас же арестован и затем препровожден в Россию на расправу.

В последний раз я виделся с генералом Шамилем в Петербурге, в его скромном номере в Офицерском собрании. Он жил один, без семьи, сильно расхворался и находился, вдо-

бавок, под тяжелым впечатлением известия от внезапной смерти в Казани одного из близких своих друзей, генерала П-ния, который в последнее время жил вместе с ним в Офицерском же собрании и только за неделю перед своей смертью выехал из Петербурга. Между прочим, я стал рассказывать генералу о том сочувствии, которое возбуждают к себе воюющие буры со стороны почти всех европейских держав и даже Америки. Шамиль внимательно слушал меня и, затем вздохнув, проговорил:

— А вот моему отцу, пятьдесят лет тому назад, никто не помогал!...

VI.

Поправка к биографии Шамиля и его юность. — Его первая схватка с русскими. — Его легендарный подвиг в Гимах. — Шашка Шамиля. — Невинность Шамиля в избии аварских ханов. — Фатализм Гамзат-бека и предостережения Шамиля. — Нападение на сонного Шамиля в Ведено. — Религиозная терпимость Шамиля. — Его намерение уничтожить рабство на Кавказе.

Перехожу затем к тем дополнениям о покойном имаме Шамиле, которые мне довелось слышать от его сына, генерала Магомет-Шеффи.

Некоторые биографы Шамиля сообщают, что он в детстве был, будто бы пастухом коз в Дагестане... Это не верно: Шамиль был сыном аварского узденя Дангау-Магомета; мать же его была дочерью аварского бека Пир-Будоха; имя ее было Баху-Меседу. Уздень — это именитый гражданин, бек — дворянин, иногда владетельный; собственно князей в Дагестане нет. И в последствии, когда Шамиль предстал перед князем Барятинским в 1859 году, он сам назвал себя узденем: «Я — простой уздень, тридцать лет дравшийся за религию и свободу моего края», — говорил он, между прочим, в своей речи...

Воспитание Шамиля и обучение было очень серьезное — для горца: он, после первоначального обучения, был отправлен отцом в Унцукуля, к знаменитому среди горцев ученому

Джемаль-эддину, у которого и пробыл с 12 до 20 лет, обучаясь различным наукам и, между прочим, арабскому языку, философии и законоведению. В особенности юного Шамиля пленяли рассказы о жизни и подвигах древних героев Греции и Рима. Вся жизнь его в тот цветущий возраст проходила в занятиях науками и молитвах. так как учитель его был в то же время и очень религиозным человеком. Лишь иногда жизнь молодого Шамиля разнообразилась боевыми схватками с русскими, для чего приходилось становиться в ряды дагестанцев, предпринимавших набеги в русские пределы. Он обладал необычайною физическою силой и был очень отважен. Его физическая ловкость в прыганье и беге не имела себе равных, — и мы далее увидим, как эти чисто физические доблести, в соединении с феноменальною его силой, спасали не раз ему жизнь. В единоборстве он между своими сверстниками и горцами вообще не имел равных.

Главные военные отличия Шамиля в рядах чеченцев начинаются, собственно, с тридцатых годов, под начальством первого имама Кавказа Кази-Магомета (Кази-мулла), в учиненных им набегах на Аварию, преданную в лице своих ханов русскому правительству. Самый же легендарный подвиг Шамиля, обративший на него внимание всех горских племен, произошел, как известно, в Гимрах, в 1832 году, когда Кази-Магомет, окруженный со всех сторон отрядом барона Розена и покинутый дагестанцами, заперся с Шамилем и пятнадцатью самыми преданными ему мюридами в башне. И вот, когда половина мюридов была уже перебита, Кази-мулла предложил Шамилю выскочить с ним из башни и попытаться пробиться. Шамиль согласился. Кази-мулла выскочил первым и был тотчас же заколот штыками. Шамиль же, видя у дверей двух солдат с ружьями, готовыми выстрелить по тому смельчаку, который решится выскочить, подобно Кази-мулле, выпрыгнул из верхних дверей башни, — и так ловко и далеко, что очутился позади этих двух солдат, и, мгновенно изрубив их, погнался за третьим солдатом, убежавшим от него, нагнал его и убил. Так как стрелять в Шамиля в это время никто не решался, потому что кругом были солдаты и легко можно было поэтому попасть в своих же, то борьба велась лишь холодным оружием. И вот, в тот момент, когда Шамиль рубил насмерть третьего солдата,

к нему подбежал четвертый и ударил его штыком в грудь, и так сильно, что штык вышел в спину. У правой лопатки, и правая рука была парализована; тогда Шамиль быстро перехватил шашку в левую руку, одним сильным ударом разрубил солдату голову и побежал к находившимся неподалеку густым деревьям. Охваченные паническим страхом и изумленные необычайной силой и отчаянным мужеством Шамиля, изрубившего уже четырех человек, солдаты отхлынули от него... В этот момент вблизи его очутился мюрид Магомет-Али, единственный нераненый горец из бывших в башне: пользуясь тем, что всеобщее внимание было сосредоточено на Шамиле, он беспрепятственно выскочил из башни и с криком: «Аллах! Аллах!», явился на помощь Шамилю... Вдвоем они добежали до деревьев и скрылись; но вскоре Шамиль, истекая кровью, упал в изнеможении, снял с себя шашку и, отдавая ее Магомет-Али, сказал: «Сбереги мою шашку, она мне не нужна больше, — я умираю». С этими словами Шамиль склонил голову, и из его рта хлынула кровь... Русские сочли его убитым и оставили в покое, а Магомет-Али, отбежав в сторону, наблюдал за Шамилем издали и с наступлением вечера поспешил к нему на помощь и перевязал ему раны, а ночью отвел его в ближайший аул Уникуль, где жил тесть Шамиля, Абдул-Азис, славившийся в Дагестане, как искусный врач. Три месяца Шамиль находился между жизнью и смертью, но могучая натура превозмогла, и он понемногу оправился. Раны помешали лишь избранию его в имамы, каково звание и перешло к Гамзат-беку. Шашка Шамиля, сослужившая ему такую службу, была очень тяжелая, так что никто из горцев не мог владеть ею. Эта шашка находится в настоящее время, как сообщил мне генерал Шамиль, в Мекке, у старшего сына Шамиля, Кази-Магомы.

В общем, Шамиль, по словам его сына, Магомет-Шеффи, имел 19 ран холодным оружием и три раны пулевых; одна русская пуля так и осталась в нем навсегда и похоронена вместе с ним.

При следующем имаме (втором), Гамзат-беке, в 1834 году, произведено было нападение мюридов на Хунзах, принадлежавший преданным нам аварским ханам, при чем произошло и самое избиение этих ханов. Рассказывая об этом

кровавом эпизоде, почти все историки кавказской войны обвиняют Шамиля, внушившего будто бы Гамзат-беку мысль воспользоваться пребыванием ханов в лагере дагестанцев при реке Тобот и перебить их с целью подчинить своему влиянию аварцев и склонить их затем к газавату, то-есть к ведению священной войны против русских, — так как ханский аварский дом был главным препятствием введению газавата в Аварии и к распространению власти имамов в ее горах и аулах.

В действительности же, по словам генерала Шамиля, отец его отнюдь не подстрекал Гамзат-бека к избиению рода аварских ханов. (Шамиль, будто бы, сказал Гамзат-беку, когда аварские ханы явились в его лагерь: «Куй железо, пока горячо!»...) и не хотел происшедшей резни. Как на доказательство неучастия Шамиля в этом трагическом и нероломном событии, генерал Шамиль указывает на то обстоятельство, что когда его отец, после убийства Гамзат-бека, был избран имамом, он тотчас же приказал снести головы всем тем, кто по приказу Гамзат-бека убивал аварских ханов и их свиту. Равно, он приказал казнить и тех аварцев, которые потом, два года спустя, после избиения их ханов, убили Гамзат-бека. При этом, передавая мне об избиении ханов, генерал Шамиль сообщил следующую интересную подробность. Когда, с наступлением ночи, началась между аварцами и мюридами Гамзат-бека резня, то рубился, конечно, и Шамиль, защищаясь от нападавших на него нукеров, которые, зная его за друга Гамзат-бека, хотели непременно его убить. Среди самого пыла битвы один аварский бек крикнул: «Изрубите Шамиля! он в белой чалме!».. Тогда Шамиль быстро снял с себя чалму (белую) и надел ее на первого подвернувшегося ему мюрида, а его черную папаху надел на себя; мюрид, слышавший тоже крик аварца, беспрекословно повиновался Шамилю — и вскоре был изрублен в куски, а Шамиль остался жив, получив лишь легкую рану шашкой. Как известно, вся эта страшная резня началась почти случайно. Мюриды Гамзата хотели, по его приказу, взять из свиты аварских ханов лишь одного узденя Буга, жителя селения Цудахар, убившего когда-то двоюродного брата Гамзат-бека, некого Амира-Али: аварцы отказались выдать Буга, и когда мюриды стали брать его си-

лою, начался спор, во время которого один из нукеров сделал в мюрида выстрел; это и послужило сигналом к общей резне между давно уже враждовавшими между собою аварцами, с одной стороны, и партией мюридов Чечни и Дагестана — с другой.

Перед убийством Гамзат-бека Шамиль всячески предостерегал его от возможности со стороны аварцев отомщения за смерть их ханов; Шамиль советовал имаму, между прочим, не избирать своей резиденцией аварский Хунзах, а находиться по-прежнему в Гочатле; но Гамзат-бек не внимал его советам и, как бы фатально, шел навстречу смерти. Чрезвычайно интересные сведения сообщил мне по этому поводу генерал Магомет-Шеффи (узнавший их от своего покойного отца). Отец его, Шамиль, за два дня до убийства, предостерегал Гамзата-бека от поездки по случаю предстоящего праздника в мечеть; но Гамзат, будучи фаталистом, отвечал ему:

— Не боюсь. Будет то, что написано мне на досках предопределения. — Посланному же Шамя, подавшему ему письмо, он сказал: — Никто не может остановить ангела, если Аллах пошлет его за душой человека...

Получив эти ответы, Шамиль, тотчас же отправил Гамзат-беку второе письмо, в котором писал: «Ты очень слепо веришь в предопределение. Это хорошо, но попробуй, однако кинуться со скалы, — и ты увидишь, что наверное погибнешь, хотя бы тебе по здоровью твоему, можно было прожить еще много лет». Это и второе письмо не дошло уже до Гамзата, а первое было найдено в кармане архалука убитого имама.

Не менее трагические эпизоды происходили иногда с Шамилем и вне столкновений с партийными врагами в горах и с русскими отрядами. Так, например, однажды в Ведено, ночью, произошел с ним следующий случай. К нему в Ведено был доставлен уздень (а не русский солдат, как утверждает г-жа Чичагова в своих записках), заподозренный в желании передаться русским, т. е. обвинить себя и свое селение «мирным». Шамиль приказал его ослепить, а затем посадить в глубокую яму, служившую местом ареста для виновных. Как мог выбраться оттуда ослепленный уздень, как мог он подкрасться к двум сонным телохранителям

Шамяля, вздремнувшим у входа в дом имама, и даже, без всякого шума, убить их обоих и кто дал ему кинжал, — все это осталось неизвестным... Но только жизнь Шамяля висела в эту страшную для него ночь на волоске: убийца, прикончив часовых, тихо прокрался в его спальню и ударил сонного Шамяля, раздетого и безоружного, кинжалом в бок, нанеся ему, по счастью, не опасную рану, Шамиль спасся, благодаря лишь своей необычайной силе: он, проснувшись, быстро обхватил нападавшего руками и совсем славил его в своих могучих, железных объятиях, а зубами стал грызть его за голову. Когда, наконец, прибежали к Шамилю на помощь и он разжал руки, то на пол упал совсем уже умирающий человек, который, спустя несколько минут, и испустил дух, унеся с собой в могилу тайну оказанного ему кем-то содействия... Шамиль после этого ночного нападения на него несколько реформировал лишь свой личный конвой, состоявший из двухсот телохранителей, набранных, преимущественно, из жителей аула Чиркей, питавших особую ненависть к русским.

В сфере управления подвластными ему племенами горцев и вообще в администрации имам Шамиль не был особенным фанатиком и проявлял иногда удивительную для магометанина снисходительность к чужой ему религии. Так, например, он разрешил нашим раскольникам, бежавшим к нему в горы от религиозных преследований со стороны русских властей, открыто отправлять свое богослужение в устраиваемых ими часовнях, а также предоставил им право устраивать и свои скиты где пожелают. Он даже не брал с них за это право никаких налогов. По словам генерала Магомет-Шеффи, отец его хотел даже освободить всех рабов подведомственных ему горских племен, но наибы, владельческие «султаны» и беки, прослышав об этом, явились в его резиденцию, в Ведено, и прямо угрожали имаму, что, если он только приведет в исполнение эту меру, то они все примут русское подданство — и у них, следовательно, будут существовать русские порядки с их крепостным правом... Это сообщение чрезвычайно интересно и знаменательно.

VII.

Столкновение Шамиля с приставом Пржецлавским. — Отказ Шамиля подписать петицию в пользу поляков. — Мщение пристава Шамилю, его козни и интриги. — Жалоба Шамиля губернатору Лерхе. — Несостоявшееся прибытие нового пристава. — Обращение Шамиля к заступничеству нового калужского губернатора, Спасского. — Прибытие в Калугу полковника Брока на следствие. — Увольнение пристава Пржецлавского. — Смертность в семье Шамиля в Калуге. — Перевод его в Киев. — Увольнение в Мекку. — Смерть Шамиля. — Его популярность в Мекке и Константинополе. — Его записки о войне на Кавказе.

По милости полковника Пржецлавского, бывшего приставом при Шамиле в Калуге же (после А. И. Руновского), знаменитый пленник едва не был сослан в Вятку. История этого столкновения между имамом и приставом не могла быть своевременно опубликована по крайней деликатности Шамиля, не выдавшего даже и своего врага; но теперь, когда со времени этой истории прошло 38 лет, представляется возможным огласить истинные причины, послужившие к столкновению или, скорее, ко взаимной ненависти между Шамилем и его стражем. Об этих «истинных причинах» рассказал мне генерал Шамиль, и его рассказ должен в то же время опровергнуть многие неточности и даже просто выдумки, занесенные полковником Пржецлавским в его «Дневник», появившийся в 1877 году на страницах «Русской Старины».

У пристава Пржецлавского произошло, уже на первых порах, с Шамилем следующее неудовольствие. Этот пристав, служивший ранее на Кавказе, добыл там от какого-то летописца-муллы рукопись на арабском языке «О трех имамах» — т. е. о Казии-мулле, Гамзат-беке и Шамиле. Затем, переведя эту рукопись на русский язык с целью напечатать ее, он дал перевод (но не подлинник) Шамилю, прося его засвидетельствовать своею подписью верность фактов, изложенных в рассказе. Шамиль, не видя в глазах подлинника и не читая вовсе по-русски, категорически отказался подписать

перевод Пржеллавского. Это и послужило первым, хотя еще и не особенно важным, поводом к неприятным отношениям, установившимся между приставом и пленным имамом. Об этом неудовольствии упоминается, между прочим, и в книге г-жи Чичаговой о пребывании Шамиля в Калуге. Но истинная причина, особенно озлобившая пристава Пржеллавского против Шамиля, была не та, она заключалась — как рассказал мне генерал Шамиль — в следующем.

В конце 1863 года, когда польский мятеж был уже подавлен, а над виновными лицами чинился суд и расправа, полковник Пржеллавский, поляк родом, стал очень часто заговаривать с Шамилем об этом мятеже, постоянно описывая, в самых мрачных красках, те жестокости, каким будто бы подвергались поляки по распоряжению Муравьева в Литве и графа Берга в Варшаве. При этом Пржеллавский всячески старался внушить Шамилю, что обо всех этих «жестокостях» государь ничего не знает и не ведает и было бы-де истинною услугою для самого царя, если бы кто-нибудь замолвил ему слово за «несчастных». Шамиль, несколько не интересовавшийся польским мятежом, пропускал все эти подкоды пристава мимо ушей, считая их лишь обыкновенными разговорами. Но вот в одно прекрасное утро полковник Пржеллавский, поговорив несколько минут в обычном манерном тоне «о жестокостях», претерпеваемых его соотечественниками, и считая, по всей вероятности, почву достаточно уже подготовленной, неожиданно вынул из кармана и подал Шамилю письмо на имя государя, прося подписать его... Письмо оказалось написанным в два текста — на арабском и русском языках: на арабском для Шамиля, а по-русски для государя. Шамиль, пораженный такой назойливостью, взял все-таки письмо на рук Пржеллавского, прочел его арабский текст. В письме говорилось, приблизительно вот что: «Четыре года тому назад, русскому государю была дарована Богом полная иобеда над кавказскими горцами, воевавшими более полувека с Белым царем. По своему величайшему милосердию государю угодно было забыть о вреде и кровопролитиях, учиненных за время войны горскими племенами, а самому имаму — даровать полное прощение и осыпать его величайшими благодеяниями и щедротами. Теперь повторилось-де тоже самое: победоносные войска государя одолели

восставших поляков — и война окончилась. Но последствия победы в настоящее время, не те, что были 4 года назад: тогда дагестанцам и другим племенам даровано было прощение: теперь же побежденных и виновных постигает тяжкая кара: смертные казни, ссылка на каторгу, тюрьма, конфискация имущества и пр. И вот, он, смиренный старец Шамиль, осведомившись обо всем этом, осмеливается-де обратиться к сердцу великого государя и молить его о проявлении того же великодушия к побежденным полякам, какое он, государь, проявил в 1859 году к нему Шамилю, к его семье и всем, воевавшим вместе с ним наибам»... и т. д.

Вот смысл письма, преподнесенного, по рассказу генерала Шамя, приставом Пржецлавским для подписи пленному его отцу. Дело задуманно было недурно — в смысле заступничества поляка Пржецлавского за своих, действительно несчастных, собратьев. Но оказалось, что Пржецлавский мало знал характер осторожного и умного Шамя, если позволил себе такой подход. Имам вежливо и терпеливо выслушал своего пристава, внимательно прочел письмо и, возвращая его неподписанным, проговорил твердым и решительным тоном:

— Прошу вас, полковник, не обращаться ко мне с подобными предложениями. Я никогда не осмелюсь беспокоить государя такими письмами.

Полковник Пржецлавский сумел в это время не только скрыть перед Шамилем свое неудовольствие, но еще взял с него обещание никому не говорить обо всем этом деле. Вот этот-то отказ и послужил главной причиной положительной ненависти и злобы, которую с тех пор стал питать пристав к своему пленнику: с того времени он и начал постепенно но систематически изводить Шамя. Полковник Пржецлавский стал вмешиваться во внутренние распорядки жизни Шамя и его семьи, стал ссорить членов его семьи между собою и с прислугою; оскорблять Шамя самым на-

*) Шамиль получал в это время в Калуге достаточное содержание: готовую квартиру в доме Сухотина, экипаж и 15 тысяч рублей в год.

(И. З.).

зойливым досмотром за каждым его шагом, когда он выходил из дома; распускать о нем по Калуге такие нелепые слухи и сплетни, что почетные жители города почти совсем перестали посещать имама; затем, в своих донесениях военному министру он стал сообщать о постоянном, будто бы, недовольстве Шамиля государем и его милостями; что он ропщет, будто бы на скудость назначаемого ему содержания"); что он мечтает о возвращении своего владычества и пр.

Шамиль, измученный всеми этими мелочными оскорблениями и неприятностями, в конец отравлявшим его и без того тяжелую жизнь, попросил губернатора Лерхе походатайствовать о смене пристава. Вскоре, действительно, приехал из Москвы в Калугу ленщик капитана Семенова, назначенного на смену Пржецлавского, с письмом к нему, в котором Семенов писал приставу: «Я назначен на ваше место: примите мои вещи», и пр. но, спустя некоторое время, стало известно, что полковник Пржецлавский оставлен по-прежнему на своем месте... Предполагалось, что им был совершен положительный подлог с целью удержаться на своей должности: по выраженному самим Шамилем подозрению, впоследствии подтвердившемуся, Пржецлавский написал от имени имама письмо в военное министерство, с просьбою оставить при нем, Шамиле, прежнего пристава...

Так прошло еще два года. Полковник Пржецлавский продолжал по-прежнему всячески изводить и притеснять Шамиля... Тогда имам, со свойственною ему прямою, обратился прямо к генерал-майору Чичагову, недавно прибывшему в Калугу, на только что учрежденную должность губернского воинского начальника, прося его доложить губернатору его, Шамиля, просьбу, чтобы тот, в присутствии всех высших властей города, выслушал его жалобу на приставленного к нему полковника Пржецлавского.

Желание знаменитого пленника было исполнено, и в квартире губернатора Спасского, в присутствии генерала Чичагова, вице-губернатора графа Шуленберга и губернского предводителя дворянства Щукина, Шамиль сообщил через переводчика о причиняемых ему приставом Пржецлавским оскорблениях и неприятностях, и просил собрание походатайствовать об его смене. Между прочим, он рассказал и о сво-

ем отказе удостоверить рукопись «О трех имамах», но не упомянул все-таки ни одним словом, в силу данного Пржецлавскому обещания, о петиций в пользу поляков, которую предлагал ему к подписи полковник Пржецлавский.

Собрание внимательно выслушало Шамиля, и губернатор ходатайствовал у военного министра о смеле пристава. Но результаты этого представления были для Шамиля на первых порах очень неожиданны и неприятны. В Калугу прибыл из Петербурга полковник Брок, командированный военным министром для производства дознания, но не над интриганом-приставом, а над пленным Шамилем.

Шамиль здесь дурит. Его надо отправить в Вятку, — вот фраза, которой встретил Брок Чичагова.

К счастью для Шамиля, губернский воинский начальник Чичагов успел уже, за время своего пребывания в Калуге, не только хорошо ознакомиться с имамом и всею его семьею, но заметить также все козни и интриги, подводимые под него приставом; он помог полковнику Броку раскрыть все сложные махинации и обстоятельства этого неприятного дела и все интриги пристава — до подложного письма от имени Шамиля к военному министру включительно.

В конце концов, пристав был сменен, и Шамиль был, таким образом, избавлен от проступка, который он неминуемо бы совершил и от которого он не раз был на один только шаг: он, хорошо понимая и чувствуя интриги, козни и клеветы пристава Пржецлавского и будучи человеком прямым, вспыльчивым, властным и необузданным, едва-едва иногда удерживался от кровавой расправы со своим неблагородным врагом...

Дальнейшая жизнь и судьба Шамиля были таковы. Суровый — сравнительно с Кавказом — климат Калуги сделал то, что не могли сделать 19 имевшихся у него ран: его исполнительная, железная натура стала видимо ослабевать... Этот климат еще сильнее и быстрее стал отражаться на женщинах семьи Шамиля: вначале умерла от скоротечной чахотки самая красивая из всех женщин семьи Шамиля — Керимат, жена старшего его сына Кази-Магомы; затем умерла от чахотки же любимейшая дочь Шамиля Нафисата, жена Абдурахмана и т. д.; вообще в Калуге за время десяти-

летнего пребывания там Шамиля, умерло всего семнадцать человек — из семьи и свиты пленника, считая в том числе и прислугу. Вольным сынам гор, привыкшим к мягкому горному воздуху и дремучим хвойным лесам своей родины, было тяжело и душно жить в Калуге. Раз Шамиль, будучи в Петербурге, в 1861 году, просился в Мекку: но ему дано было понять, что эта просьба преждевременна. В бытность свою в том же Петербурге в 1866 году, на торжествах бракосочетания цесаревича Александра Александровича, он не решился возобновить свое ходатайство. Наконец, в октябре 1869 года, он был переведен на жительство в Киев, где климат был все-таки мягче и теплее. Затем, в начале 1870 года, Шамиль, имея уже 74 года, получил разрешение отправиться в Мекку со всем своим семейством — с женами, дочерьми, зятьями, и младшим сыном Магометом, за исключением двух сыновей: Кази-Магомы, проводившего отца до Одессы, и Магомета-Шеффи, уже служившего в то время в Конвое его величества офицером.

Недолго — менее года — пожил старый Шамиль на воле: 4 февраля 1871 года он умер, окруженный: почти всею семьею, так как и Кази-Магомеду было потом дозволено уехать к умирающему отцу. По рассказу генерала Шамиля, смерть его отца произошла при следующих обстоятельствах: имам, удачно совершив, в 1870 году, свое первое путешествие из Медины в Мекку, пожелал, в конце января 1871 года, поехать туда помолиться еще раз. Так как он был, от многих ран и преклонных лет, очень слаб и не мог уже ехать верхом, то ему было приспособлено особое сиденье — стул, укрепленный между двумя верблюдами, которых и должен был вести ровным шагом особый поводырь. Случилось, что в первую же ночь по выезде из Медины, поводырь не досмотрел как-то, и один из верблюдов шагнул вперед другого, вследствие чего один конец сиденья сорвался с горба продвинувшегося вперед верблюда, и старик Шамиль упал на землю и сильно расшибся. Караван тот же час вернулся. в Медину, где вскоре Шамиль и скончался. Он был похоронен в Медине же, на кладбище Джаннат-Эм-Баки.

Популярность Шамиля между магометанским населением Мекки, Медины и даже Константинополя была очень ве-

лика, и никто, даже из владык Турция, не пользовался таким обожанием и поклонением, каковы выпали на долю бывшего властителя Кавказа. Например, в мечетях Мекки в то время, когда туда приходил молиться Шамиль, происходила всегда такая страшная давка, что турецкая полиция и муллы решили, наконец, назначить для Шамиля особые ночные часы, когда жители города и богомольцы отправлялись спать. Народ бросался за ним вслед и целовал не только его руки, ноги и одежду, но и те места на плитах мечети, где ступала его нога и где он стоял во время молитвы.

Не меньший почет он встретил и в Константинополе, когда заехал туда по дороге из Одессы. Султан принял его в торжественной аудиенции, какую удостоивал только хедива и царственных особ, и при всех поцеловал его руку; а когда Шамилю доводилось проезжать или идти пешком по улицам турецкой столицы, то османлисы падали перед ним ниц и лежали, распростертые на земле все время, пока он мимо них проходил или проезжал. Таково было в глазах турок и других восточных народов обаяние человека, провоевавшего с могущественною Российской империей почти 25 лет — в то время, как та же Турция, начиная с нами свои войны, всегда вынуждена была заканчивать их невыгодным для нее миром — по истечении года или много-много двух лет.

Об этой своей войне с русскими войсками на Кавказе имам Шамиль, за время своего десятилетнего пребывания в плену в Калуге, составил подробные записки на арабском языке, которые находятся в настоящее время у его старшего сына, Кази-Магомы, проживающего в Медине.

VIII.

Дальнейшая судьба родственников Шамиля. — Смерть его жен: Зайдаты и Шаунаты. — Смерть от чахотки дочерей Шамиля и прочих родных. — Измена Кази-Магомы. — Судьба младшего сына Шамиля, Магомета. — Трагическая смерть наиба Хаджио. — Ссылка его убийц в Сибирь. — Поправка к книге г-жи Чичаковой о Шамиле — Мнимое «скряжничество» Шамиля по запискам пристава Пржецлавского. — Гостеприимство генерала Магомет-Шеффи-Шамиля.

Теперь я нахожу небезынтересным рассказать о дальнейшей судьбе членов семьи Шамиля и близких к нему лиц.

Все женщины, жившие с Шамилем в Калуге — его жены, дочери и снохи — в настоящее время не находятся в живых. Я уже упоминал о смерти красавицы Керимат, жены Кази-Магомы, и о смерти любимой дочери Шамиля, Нафисаты — от скоротечной чахотки, приключившейся от сурового, сравнительно с Кавказом, климата Калуги. Точно также и здоровье остальных женщин было подорвано десятилетним прозябанием в плену в названном городе. Жена Шамиля Зайдата пережила мужа лишь на три месяца и умерла в мае 1871 года, в Таиф, близ Мекки, и была в Мекке же похоронена. Шауната, любимейшая жена имама, мужественнее всех других женщин перенесла калужский климат, так как была, по рождению армянка, а не жительница гор; она была гораздо моложе Зайдаты, пережила мужа на шесть лет и умерла в Константинополе в 1878 году; там же она была и похоронена. Умерли также и все дочери Шамиля — Наджатват, Фатимат, Баху-Меседу и Сафият, а также и жена среднего сына Шамиля, ныне генерала Магомет-Шеффи — Аминат, Умерли и все зятья Шамиля, кроме Абдурахима, о котором я упоминал выше.

Остались в живых все три сына Шамиля: старший Кази-Магома, средний — генерал-майор Магомет-Шеффи и младший — Магомет, родившийся у Шамиля от Зайдаты, в Калуге, в 1861 году. О старшем из них, Кази-Магоме, следует сказать несколько подробнее.

Когда я встречал его в Калуге, в начале 1860 года, это был громадного роста горец, немного сутулый и короткошей, без всякой растительности на лице (он брился тогда), — что вполне позволяло видеть его суровое, неприветливое и несимпатичное лицо. С нами, молодыми офицерами, он был угрюм и неразговорчив, составляя в этом случае полную противоположность своему другому брату, Магомету-Шеффи и мюриду Хаджио, которые были всегда очень приветливы и разговорчивы. Не знаю почему, но в Калуге все были уверены в то время, между прочим, и в «преданности» Кази-Магомы, — и эта уверенность доходила до того, что назначенный впоследствии в Калугу губернский воинский на-

чальный генерал-майор Чичагов уговаривал даже этого угрюмого горца ходить в гимназию и учиться русскому языку. Но последствия, однако, показали, что это были только иллюзии и излишняя доверчивость, столь свойственные добродушной русской натуре. Да едва ли и можно было ожидать, чтобы этот гордый и самолюбивый горец, сын всесильного и властного имама, мог примириться с печальной участью военнопленного... При этом следует принять во внимание еще и то обстоятельство, что Кази-Магома, будучи всего семи лет от роду, был уже ранен русскою пулею и испытал, следовательно, еще в детском возрасте сильные физические мучения, которые нелегко забываются. Затем, он потерял в Калуге страстно любимую им жену, бывшую первою красавицей Кавказа, Керимат, не вынесшую плена в суровом климате. Все это едва ли могло поселить в сердце Кази-Магомы особую приязнь и расположение к русским, — в особенности, если принять во внимание еще и то обстоятельство, что этот человек, прежде чем попасть в Калугу, уже закалил себя в боях, не раз предводительствуя многочисленными отрядами горцев, сделавших даже под его начальством, известный победоносный набег в Грузию и Кахетию через Алазань, в 1853 году, когда, нанав на Цинандалы, Кази-Магома взял в плен княгинь Чавчавадзе и Орбелиани с их детьми, гувернантками и прислугой; следует помнить и то, что он и сам, как старший сын Шамиля, имел уже в Дагестане громадную власть и влияние. Все это, вместе взятое, до известной степени может оправдывать вероломный поступок Кази-Магомы, совершенный им в 1870 году, когда, будучи отпущен из России в Мекку для свидания с тяжело больным отцом, он, покоровив Шамиля, не пожелал уже вернуться в Россию и даже не отпустил от себя младшего брата Магомета, а также никого из членов семьи Шамиля, — так что в России остались лишь средний сын Магомет-Шеффи, и зятья — Абдуррахим и Абдуррахман. Мало этого, в 1877 году Кази-Магома, состоявший уже в турецкой армии в чине дивизионного генерала, обложил Баязет и требовал сдачи этой крепости, в которой оборонялась небольшая часть наших войск под начальством мужественного капитана Штоквича. Известно, что на это требование Штоквич

ответил Кази-Магоме следующей фразой: «Кази-Магома, вероятно, не научился, воюя с нами на Кавказе, под началом вам своего знаменитого отца, что русские умеют лишь брать крепости, но не сдавать их...».

Предательство Кази-Магомы усугубляется еще и тем обстоятельством, что он, вместе с отцом своим и зятьями, принял 26-го августа 1866 года в Калуге присягу на верно подданство России. Своим вероломством Кази-Магома всего больше повредил своему младшему брату, Магомету, которого предполагалось поместить в Парижский корпус, и воспитать так же, как был воспитан первенец Шамиля, Джамаль-Элдин, взятый в аманаты и возвращенный впоследствии отцу, в обмен на плененных княгинь.

Самая злая судьба выпала на долю любимейшего мюрида имама Хаджио — его казначея, секретаря и верного друга, добровольно разделявшего с ним плен и десятилетнюю жизнь в Калуге*. Приняв, затем вместе с Шамилем и его семьею, в 1866 году присягу на верноподданство, Хаджио, по отъезде Шамиля в Мекку, пожелал возвратиться на родину, и русское правительство предложило ему в управлении Украинское наместство и Дагестанской области, в Бетлинском округе, которое он охотно и принял, так как самое звание наиба было очень почетное и соединялось, кроме того, с большою самостоятельностью и властью: на Кавказе это было нечто среднее между маленьким губернатором и крупной величины исправником.

На первых же порах своего управления Украинским наместством, честный и верный Хаджио восстановил против себя ту худшую и беспокойную часть населения, которая продолжала втихомолку заниматься грабежами и разбоями; Хаджио строго преследовал грабителей и, не щадя, выдавал их в руки русских властей на Кавказе. Таким образом, были сосланы в Сибирь за убийства и грабежи несколько вороватых узденей, пользовавшихся большим влиянием среди местного населения. Тогда оставшиеся родичи со

* Об этом Хаджио я говорил более подробно в своей статье «Поездка к Шамилю в Калугу в 1860 г.» («Вестник Европы», август 1898 г. — И. 3.).

сланных решили избавиться от Хаджио и, в то же время, отомстить ему за ссылку своих ближних. Для приведения своего замысла в исполнение, заговорщики воспользовались однажды приездом Хаджио, по делам службы, в один глухой аул, где он должен был переночевать. Перед рассветом несколько десятков горцев окружили саклю, где спал Хаджио, и старались в нее проникнуть; но он успел проснуться — и заперся. Сопровождавший его конвой, ночевавший у двери его сакли и на дворе, тотчас же разбежался — отчасти из трусости, а отчасти из сочувствия нападавшим, — и мужественный наиб остался в сакле один-одинешенек: он забаррикадировал дверь и окно, оставив лишь отверстие для ружья, и стал отстреливаться. Несколько человек из числа нападавших было им, таким образом, убито и ранено, и это еще более ожесточило разбойников. Наконец, Хаджио, расстрелял все имевшиеся у него ружейные патроны... Нападавшие заметили это и бросились было к дверям, но два выстрела из револьвера, почти в упор, положили еще двух смельчаков... Толпа отхлынула и решила зажечь саклю. Но едва только им это удалось, как храбрый наиб, распахнув дверь, выскочил из сакли и, с обнаженной шашкою в руках, ринулся в толпу нападавших... Не прошло и минуты, как несколько разбойников были изрублены, но, в то же время, под многочисленными ударами шашек и кинжалов, пал и Хаджио, — и толпа, зверски умертвив его, надругалась затем над его трупом.

Все виновники этого убийства верного слуги русского правительства были судимы и сосланы в Сибирь. Так погиб самый мужественный и храбрый из бывших мюридов Шамиля и самый преданный ему друг!..

Мне остается еще сделать несколько поправок к неверным сведениям, появившимся о Шамиле в печати. Так, например, в книге г-жи Чичаговой — «Шамиль на Кавказе и в России», — автор, описывая важное историческое событие, совершившееся в Гунибе 25-го августа 1859 года, когда имам Шамиль отдался в плен русским войскам, — говорит следующее: «...Прапорщик Узбашев прискакал от графа Евдокимова с приказанием обезоружить Шамиля. Полковник Лазарев затруднился исполнить это приказание... так как обе-

зоружение считается у горцев большим бесчестьем. Вследствие таких соображений полковник Лазарев решился привести Шамиля вооруженным, о чем и донес графу Евдокимову». И далее: «Князь Барятинский, находившийся по полутора версты от аула Гуниб, сидел в роще, на покатоности горы, на камне. Возле князя стояли граф Евдокимов, переводчик и полковник Граммовский, а несколько далее вся свита. Князь жалел Шамиля и в душе благодарил бога, что все так благополучно кончилось, Шагая в шести от князя Шамиль остановился. Столь храбрый на войне, он теперь струсил. Он был в зеленой чухе и большой белой чалме с хвостом, был бледен, губы дрожали, но голос был тверд. Робко, пугливо, он озирался вокруг себя, в полном убеждении, что настала минута, когда он должен расстаться с земной жизнью...»

Говорить о трусости Шамиля может только автор-женщина... Слово «страх» было незнакомо отважному и властному повелителю Кавказа, — и если уж зашла речь об этом не похвальном чувстве, то Шамиль скорее всего мог бы заподозрить в нем тех, кто так желал, чтобы он предстал «безоружный»... И ему ли, храбрейшему из храбрых, пристало бояться «расстаться с жизнью», когда он видел смерть лицом к лицу бессчетное количество раз — и в сражениях с русскими, и в междоусобных битвах!

Прожив две зимы в Калуге — в то время, когда там жил Шамиль, — я, и многие другие слышали не раз от находившегося при особе Шамиля в качестве пристава А. И. Руновского, закаленного кавказского воина, что Шамиль говорил впоследствии, что решил заколоть себя, на глазах князя Барятинского, при первом оскорблении, если бы таковое ему нанесли, — и самым, конечно, тяжким оскорблением было бы отобрание от него оружия... К счастью для Шамиля и к чести для победителей, приказ гр. Евдокимова не был исполнен.

В бытность мою в Тифлисе, в октябре 1899 года, я видел в тамошнем военном музее «Храм славы» интересную картину первого представления пленного Шамиля князю Баря-

тнискому. Чувство невольной жалости к пленному герою называет у зрителя эта картина... Интересна в ней, между прочим, следующая подробность: почти рядом с вооруженным Шамилем, стоящим, потупив голову, виден, с мрачным лицом, Голиаф горец, телохранитель имама, босой, одетый в рваную черкеску и обезоруженный; но отчаянная решимость видна на лице этого удальца; кажется, что, шевельни только его повелитель пальцем или скажи хотя одно слово — и вся эта блестящая толпа победителей и их свита будут моментально снесены с лица земли... И бог весть, конечно, что произошло бы, если бы Шамилю показалось в это время, что ему наносится оскорбление...

Вторую, не менее серьезную поправку, я должен сделать по поводу записок пристава Пржедлавского, печатавшихся в «Русской старине». Между прочим, и дурными качествами, которыми так щедро наделил г. Пржедлавский своего знаменитого пленника, он говорит, что это был жалкий старик, слабодушный скряга, и пр. Выдуманность и несправедливость этих эпитетов в применении их к Шамилю, столь очевидна, что едва ли даже и подлежит опровержению. Я могу лишь относительно мнимого скряжничества Шамиля привести следующий факт. Его положительная щедрость — т. е. чувство совершенно противоположное скряжничеству — была во время его жизни в Калуге так убыточна для его семьи и домашнего обихода, что местные власти вынуждены были, по просьбе его казначея Хаджию, принять некоторые меры к обузданию назойливости калужских нищих, постоянно карауливших дом Сухотина, где жил Шамиль, ожидая его выхода на прогулку, Шамиль имел обыкновение подавать им то, что попадалось под руку в его кошельке — была ли то ассигнация или золотой, или серебряный рубль (бывшие в то время в обращении). И когда его спрашивали, зачем он подает так много, то он обыкновенно отвечал

— Я не могу подать нищему медную монету, потому что может случиться, что ему в тот день никто другой не подаст ничего... Чем же тогда он будет сыт в этот день?

Этим я и закончу мою настоящую статью, прибавив к ней лишь несколько строк о том гостеприимстве, которое я заметил и в сыне Шамиля — генерале Магомет-Шеффи. Уж, кажется, как нелегко быть гостеприимным и хлебосольным в номере гостиницы, да еще, например, в Кисловодске, на курорте. Но генерал Шамиль ухитрялся и тут потчевать и принимать с необычайным радушием, причем, ему лично приходилось исполнять роль хозяйки — разливать чай, резать хлеб и пр. Или, например, никакие силы не могли отклонить и уговорить Магомет-Шеффи, чтобы он не снимал с вешалки пальто гостя и не подавал его сам. На мои укоризны по этому поводу, генерал отвечал очень серьезно:

— Гость — твой господин, а ты — его слуга. — это говорил мне покойный отец, и я, услуживая вам, исполняю, между прочим, его завет и приказ.

Цена 2 руб.

(За пределами Чечено-Ингушетии цена договорная)